

«От греха подальше...»: цензура и контроль над топографическим знанием в Советской России (1918–1925)

Ник Барон

Университет Ноттингема, Великобритания; Nick.baron@nottingham.ac.uk

В статье рассматриваются дискуссии и споры относительно секретности карт в ранние годы советской власти. Автор доказывает, что стремления многочисленных политиков, военных и чиновников, которые были заинтересованы в упорядочении и использовании топографических данных, отражали разные взгляды на развитие советского государства после революции, а также противоречивые представления о роли государства и прерогативах общества в новой социалистической системе.

Ключевые слова: топография, картография, карты, территория, научное знание, границы, цензура.

Картография, по крайней мере в теории, имеет дело с *визуальным* и *видимым*, ее цель — зашифровать форму и структуру ландшафта в образе и тексте и дать нам инструменты для их обратной дешифровки. Она является посредником в передаче географического знания. На практике, разумеется, картографическая коммуникация неизбежно сопровождается обобщением, усложнением и пропусками, поскольку без этого она не смогла бы выполнять свои функции. Однако для традиционных картографов и для большинства людей, пользующихся картами, чтение топографической карты позволяет увидеть упорядоченный и стройный ландшафт — ландшафт, который можно представить у себя в голове, измерить, исследовать и разбить на участки. Карта создает иллюзию свободы зрения, делая вид, что позволяет нам заглянуть за пределы видимого.

Именно вокруг этого вопроса — о *свободе видеть*, — и развернулись споры, являющиеся предметом данной статьи. Они же отражены на иллюстрации 1927 г. из советского журнала «Геодезист» (рис. 1). Иллюстрация озаглавлена «К вопросу о секретности карт». На верхнем рисунке изображены кованые сундуки с подписями «Карты — 2 версты в дюйме» (примерно соответствует масштабу 1 : 84 000) и «Карты — 10 верст в дюйме» (примерно 1 : 420 000) и штампом «Секретно». Их охраняет пушка, а мимо, торопясь, проходит человек — возможно, вор или шпион, — отворачивающий взгляд, в котором читаются коварные замыслы. На нижнем рисунке изображен горный инженер с завязанными глазами, который пробирается на ощупь сквозь долину, не подозревая о богатствах, лежащих у него под ногами, среди которых есть уголь, свинец, золото, платина, ртуть, нефть, медь, железо. Подпись к верхнему рисунку гласит: «От греха подальше», а к нижнему: «Последствия...». Смысл иллюстрации заключается в том, что даже если одержимость секретностью и является оправданной, ее последствия для экономического, а также социального и культурного развития страны являются крайне негативными.

Споры о необходимости засекречивать карты начались в СССР сразу же после революции — свержения царского режима и установления так называемой «диктатуры пролетариата», т. е. политической системы, целью которой являлось освобождение народных масс и передача им власти для управления своей собственной жизнью и определения своего будущего. Как мы знаем, в результате революции возникли многочисленные

дилеммы и противоречия, большую часть которых советский режим попытался рано или поздно разрешить с помощью военной силы или политических репрессий.

Сразу после захвата большевиками власти в октябре 1917 г. регионы бывшего имперского пространства начали учреждать свои органы власти вместо эфемерных структур местного управления, сформированных Временным правительством. Целью новых органов было, в частности, обеспечение продовольственных поставок и организация обороны — для защиты новой власти или от нее. Административная децентрализация вскоре превратилась в полный беспорядок. Губернии требовали все больше и больше автономных прав. Приграничные регионы начали борьбу за независимость.

В последующие четыре года большевики боролись за возврат централизованного контроля над своими необъятными и неоднородными территориями — задача, осложняемая массовыми крестьянскими восстаниями, консолидацией контрреволюционных сил и иностранной интервенцией. Но даже в контролируемых ими регионах коммунисты имели смутное представление о том, что происходит в действительности: в лучшем случае, они могли руководствоваться лишь старой, часто устаревшей информацией царского правительства о территориальной форме, социальной структуре и экономических ресурсах регионов. Советскому государству нужно было заново выстраивать знание о своих владениях. По сути дела, перед центром стояла задача заново выстроить свою периферию.

Карты должны были играть важную роль в этом процессе: возвращении захваченных территорий и их обороне, подчинении непокорного и упрямого крестьянства, упрочнении политического и административного контроля над отдаленными территориями и их социальной, экономической и культурной реконструкции и развитии.

Если благодаря картам советское государство — диктатура пролетариата — рассчитывало увидеть и тем самым познать свою территорию и население, т. е. более оптимально упорядочить общество и управлять им, то для некоторых революционеров предназначение карт заключалось в том, чтобы дать советским гражданам представление и знание о структуре и размерах своей родины и общества, помочь им лучше понять *себя*, пропагандировать среди них новые формы человеческих взаимоотношений, которые стерли бы рамки между нациями, культурами, религиями, национальностями и (для самых радикальных) даже полами — взаимоотношений, которые должны были возникнуть в процессе перехода к бесклассовому, единому и равному обществу и которые в конечном итоге обеспечили бы всемирное торжество социализма.

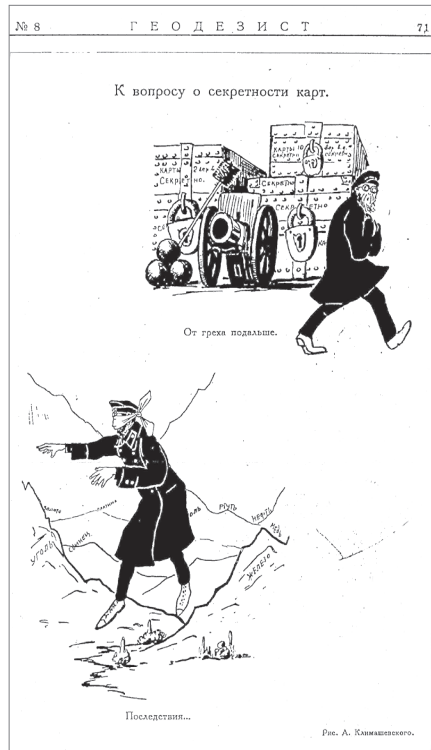
В своих работах я уже анализировал взаимонаправленные тенденции, которые оказали влияние на раннюю территориальную политику большевиков и сопутствующую ей умозрительную картографию: обращенную внутрь динамику государственного строительства и направленное вовне видение мировой революции (См. Вагон, 2007а). Пространственное планирование и политика тоже отразили разные концепции построения нового социалистического государства и взаимоотношений между государством и его гражданами, а также несовпадающие воззрения на его будущее развитие (Вагон, 2007б).

Среди тех, кто настаивал на необходимости и/или законном характере секретности в государственных делах, включая картографирование территорий, населения и ресурсов страны, были военные, органы безопасности и коммунисты-«государственники» (хотя среди всех них были исключения). При царском режиме вся геодезическая съемка и топографическое картографирование осуществлялись военными. Когда другие государственные учреждения или частные организации выпускали карты, они основывались на военной геодезической съемке, а если возникала потребность в топографическом кар-

тографировании еще не изученных территорий — например, для геологических изысканий, прокладки транспортных путей или планирования поселений далеко за Уралом или на Крайнем Севере, — то армия выделяла своих специалистов (см. Аузан, 1920). После революции Лев Троцкий, нарком РСФСР по военным и морским делам, стремился

сохранить в рядах Красной Армии царских офицеров и переманить обратно на службу тех, кто эмигрировал, поэтому между царским и ранним советским офицерским корпусом сохранилась преемственность, особенно среди специалистов, включая топографов и картографов. Они не видели причин, по которым должны были уступить контроль над географической информацией, пусть им и пришлось отказаться от монополии на производство топографических карт.

Советские органы госбезопасности (ЧК, потом ОГПУ и, наконец, НКВД), начиная с середины 1920-х гг., проявляли растущий интерес к общим вопросам территориального планирования и политики, включая картографирование периферийных и стратегически важных регионов, а также к контролю над этими материалами. К концу десятилетия, когда сеть трудовых лагерей ОГПУ начала охватывать обширные северные и восточные территории, управление осуществило комплексные геодезические и картографические операции, в частности, в отношении ряда проектов по созданию транспортных путей, включая Беломорско-Балтийский Канал (зачастую топографическая работа и создание карт выполнялись заключенными)¹. Как будет упомянуто далее, во второй половине 1930-х гг. НКВД получит в свое распоряжение всю геодезическую и картографическую деятельность в СССР.

«От греха подальше...».
Иллюстрация из журнала
«Геодезист», №. 8. 1927. С. 71.

В-третьих, засекречивание карт поддерживалось теми членами коммунистической партии, кто верил в необходимость усиления роли государства не только для защиты, но и для управления населением страны. По их мнению, пока граждане не научатся без подсказки знать и занимать свое правильное место, иными словами — самодисциплинироваться, будет сохраняться потребность в сильном централизованном государстве для поддержания территориального и социального порядка, при необходимости — с помощью силы.

С другой стороны, существовало немало групп, которые были против засекречивания карт. В первую очередь, сюда входили те, кого можно назвать «буржуазными специалистами» — как правило, бывшие геодезисты, работавшие в Министерстве юстиции (выполнявшем земельно-кадастровые работы), Министерстве земледелия и государственных имуществ или в штате Переселенческого управления в Сибири или на Кавказе.

¹ О территориальном расширении ГУЛАГа см.: Baron, 2001.

Во-вторых, чиновники, отвечавшие за экономическое управление и планирование, многие из которых также сложились как специалисты до революции. Они стремились получить возможность самим осуществлять геодезическую съемку без учета военных интересов, правил и ограничений. В-третьих, сюда же входили политические деятели, считавшие, что послереволюционный социализм, обезопасивший себя от внутренних и внешних угроз, совершенно не обязательно подразумевал усиление центральной власти, а наоборот, должен был помочь культурной эволюции населения, то есть предоставить своим гражданам возможность посредством образования и культуры, а также создав условия для их добровольного сотрудничества и низовой демократии, развить их природные инстинкты солидарности и взаимопомощи. Подобные взгляды предполагали, что социализм в конечном итоге создаст гармонию между обществом и природой — включая человеческую природу. Как правило, эта позиция ассоциировалась с более открытой, направленной вовне концепцией революции, согласно которой государственные границы были далеко не абсолютным и неприкосновенным феноменом — напротив, их нужно было преодолевать, а в перспективе и стереть. В духе этих политических взглядов и действовали многие гражданские картографы (которые в других вопросах, как правило, занимали аполитичную позицию), участвовавшие в международных, а по сути и целям интернационалистских картографических проектах, например по стандартизации символов, масштабов, мер измерения и меридианов. Взаимоотношения между идеологическим интернационализмом, который стремился к мировому социализму, с одной стороны, и тем, что мы можем назвать технологическим или культурным интернационализмом, с другой, — т. е. между двумя различными, но, совершенно очевидно, взаимосвязанными формами модернистского глобализма — представляют значительный интерес, в том числе, и в связи со спорами о государственной власти и засекречивании карт (Барон, 2009).

Любопытно, что именно бывший царский, а затем красноармейский генерал, пусть и окончивший в свое время Константиновский межевой институт в качестве инженера-геодезиста, после революции предпринял самые активные усилия по созданию *гражданского* учреждения, которое возглавило бы геодезические и картографические работы в СССР — как военного, так и гражданского характера. М.-Д. Бонч-Бруевич утверждал, что советская геодезия и топография должны, в первую очередь и прежде всего, служить на благо *экономического* развития страны, поэтому именно *экономическое* учреждение должно было отвечать за то, чтобы все другие организации систематично, по стандартам и рационально планировали и выполняли геодезические и картографические работы. Однако в марте 1919 г., когда при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) было создано Высшее геодезическое управление (ВГУ), оно получило контроль только над *гражданской* геодезической, топографической и картографической деятельностью, а также право на проведение собственной геодезической съемки и составления и публикации карт в любом масштабе². По требованию Штаба РККА *военные* геодезические и картографические работы были выведены из сферы компетенции ВГУ³.

² Нужно обратить внимание на то, что Наркомзем возражал против учреждения ВГУ, поскольку его руководство полагало, что ВГУ будет игнорировать землеустроительные работы, занимаясь в основном крупномасштабными геодезическими и тригонометрическими проектами. Учреждение ВГУ было неодобрительно воспринято и Академией наук, которая стремилась получить контроль над техническими стандартами и топографическим образованием. И напротив, военные поддержали ВГУ во время кризиса 1922 г. (см.: Комедчиков, 2002).

³ См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8223. Оп. 1. Д. 12. Л. 70 и об., 81, 82, 84–87, 76 об. и др.

На этом военные не остановились. Они с самого начала стремились к упразднению ВГУ и требовали, чтобы правительство лишило этот гражданский орган полномочий контролировать, координировать и осуществлять геодезическую съемку и публиковать топографические карты — прерогативы, которые они считали исключительно своими как по праву, так и по прецеденту. Их убеждение, что ВГУ как государственный институт представляет собой сдвиг к «огражданствлению» картографии и угрозу ослабления, если не прямого сокращения, их собственных властных функций, было небезосновательным.

В феврале 1921 г., на заключительном этапе гражданской войны, этот процесс приобрел видимые очертания, когда Ленин подписал указ, переводивший многих геодезистов Красной армии на работу в гражданских организациях, которым не хватало квалифицированных специалистов.

В действительности начался этот процесс еще раньше. В 1920 г. Красная армия предоставила ВГУ ограниченный доступ к своим двухверстным (масштаб 1 : 84 000) картам. В течение трех следующих лет она пошла на еще большие уступки, вначале согласившись рассекретить свои десятиверстные карты, потом трехверстные карты, потом *старые* или *перепечатанные со старых* издания двухверстных карт неприграничных регионов — последних, впрочем, было совсем немного, так как (это можно увидеть по каталожным листам) российская армия проводила геодезическую съемку, как правило, тех территорий, которые в Советском Союзе формально классифицировались как приграничные. В 1924 г. РККА даже согласилась разрешить доступ к старым двухверстным картам этих приграничных территорий и к одноверстовым картам, правда, только по специальному запросу и с очень большими ограничениями. К этому моменту единственными засекреченными топографическими картами оставались новые, т. е. послереволюционные крупномасштабные карты приграничной зоны, которые, впрочем, в то время еще не существовали! Однако ВГУ хотело, чтобы будущие картографические работы обширных приграничных территорий проводились Красной армией без грифа секретности. Оно требовало рассекречивания всех карт, за исключением тех, на которых были обозначены военные объекты.

Для Красной армии этот шаг — или последние несколько шагов — стал последней каплей. В письме советскому руководству командование РККА предложило компромисс, который по сути дела означал отказ от ряда сделанных ранее уступок: в частности, предлагалось предоставлять лишь ограниченный доступ к картам масштабом 1 : 100 000 и выше (что примерно соответствовало старым трехверстным картам), и, разумеется, только государственным учреждениям, аналогичные же карты приграничных регионов предлагалось вновь полностью засекретить, — под приграничными регионами подразумевались обширные территории в западной России и Украине, а также вся Белоруссия. «Открытие свободного доступа к военно-топографическим картам, — писал один из высших военных чинов в командовании РККА в правительство, — несомненно, нанесет значительный ущерб обороне государственных границ в мирное время и уменьшит обороноспособность страны в военное время»⁴.

Последовало шесть месяцев споров. ВГУ заняло жесткую позицию, поскольку лишь крупномасштабные карты включали рельеф местности, и следовательно, предложение военных означало, что для повседневной работы просто не останется доступных карт, отображающих рельеф. Позицию военных в ВГУ охарактеризовали как «пережиток слепой дореволюционной традиции или некий необъяснимый фетишизм»⁵. ВСНХ,

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 211. Л. 15.

⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 211. Л. 21.

которому подчинялось ВГУ, указывал, что засекречивание всех карт приграничной зоны будет означать, как уже отмечалось выше, отсутствие доступных топографических карт для всей Белоруссии, Северо-Западного региона, Архангельской и Вологодской губерний и большей части Украины. ВСНХ настаивал, что ни масштаб, ни рельеф не являются критериями для засекречивания карт — единственным подобным критерием могло служить изображение на них военных объектов или наличие специфической военной информации. Крупномасштабные карты были в первую очередь нужны промышленности, — их отсутствие, предсказывал ВСНХ, приведет к «полному застою общественной жизни»⁶.

С другой стороны, требования Красной армии о необходимости жесткого контроля над копированием и использованием карт были поддержаны органами госбезопасности, которые предложили следующую схему классификации: совершенно секретно, для служебного пользования и без грифа секретности в зависимости от одного или нескольких критериев — масштаба, рельефа, содержания и географического положения.

В январе 1925 г. советское правительство предложило компромисс: все карты приграничной зоны в масштабе 1 : 100 000 и выше, сделанные после революции, и все карты «военных объектов и зон» (расплывчатая и, разумеется, легко расширяемая категория) в масштабе 1 : 200 000 и выше, а также все карты с актуальной военной информацией становились секретными. В отношении остальных карт полностью снимались ограничения к доступу. Этим остались недовольными все стороны. Военные выразили протест по поводу того, что эта схема не включала промежуточную категорию ограниченного доступа, которая применялась бы, например, в случае с дореволюционными картами как в оригинальных, так и перепечатанных изданиях. Данное правительственное решение предоставляло *открытый доступ* к этим картам, а также к крупномасштабным картам внутренних регионов, которые военные также стремились поставить под свой контроль.

С другой стороны, промышленности был предоставлен лишь ограниченный доступ к рельефным картам приграничных территорий, включая Западную и Северо-Западную Россию, всю Белоруссию и большую часть Украины. Тем не менее черновой вариант декрета был подписан и вступил в силу с марта 1925 г.

Любопытно, что споры о секретности картографической информации происходили не только за закрытыми дверями, но и в журналах, памфлетах и речах. Это демонстрирует, что в первые годы советской власти «лоббисты засекречивания», как их можно назвать, еще не обладали монополией на власть. Советская история все еще содержала в себе потенциальные альтернативные пути развития.

В августовском номере журнала «Геодезист» за 1925 г. (т. е. через пять месяцев после принятия декрета о секретности карт) А.П. Герасимов, член Геологического комитета при ВСНХ, опубликовал речь, которую он произнес тремя годами ранее в Академии наук. В этой речи он призывал к *полному* рассекречиванию *всех* карт, даже самых крупномасштабных. Он заявлял, что секретность наносит неизмеримый вред экономике и культурному развитию страны. По его мнению, было абсурдным говорить о какой-либо стратегической необходимости засекречивания карт, поскольку в 1914 г. у германских военных был полный набор российских военных топографических карт, хотя все они были в то время засекречены. *Реальный* вред секретности перевешивал ее любые *воображаемые* преимущества.

⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 211. Л. 35.

В ответ на это военный топограф В. Ставинский опубликовал в октябрьском номере журнала статью, в которой настаивал на важности секретности и жесткого контроля над использованием карт. Он настаивал на том, что необходимо вести учет каждой карты с топографической информацией, чтобы можно было четко фиксировать, кому она выдавалась, — и уже эти конкретные пользователи принимали на себя персональную ответственность за безопасность информации. Если чиновник терял подобную карту или был уличен в ее продаже, его необходимо было подвергнуть уголовному преследованию. В своей статье он не только утверждал, что картографическая секретность была необходима в целях обороной, но и высказывал опасения, что карты, являющиеся официальным хранилищем государственной информации, будут осквернены, если окажутся в свободном доступе, — тем самым будет опорочена неприкосновенность самого государства. Он спросил, «какого отношения к этому вопросу [секретности карт и планов] можно ожидать от агронома, горного или межевого инженера?». И сам же ответил: «План использован, и хоть сеledки завертывай в него. Вот логическое продолжение аннулирования плана его секретного характера». Карты в его представлении были серьезным, если не священным объектом, который нельзя было доверить невоенным людям.

Примирительная статья, опубликованная в следующем номере, взывала к здравому смыслу. Ее автор писал, что, разумеется, некоторые карты *являются* стратегически важными и должны оставаться секретными, например карты приграничных территорий. Однако многие из засекреченных карт устарели не одно десятилетие назад, в то время как необходимость каждый раз добиваться разрешения для их использования разрушала экономическую инициативу. Секретность, как указывал автор, препятствовала даже усилиям Красной армии обучить своих солдат использованию карт. Он писал: «В силу такой ограниченности пользование (*так! – авт.*) картами — «налицо топографическая безграмотность не только к[расноармей]цев и командиров».

Конфликт так и не был разрешен в чью-либо пользу. Иллюстрация, помещенная в начале данной статьи, была опубликована в августе 1927 г. — как видно, споры к этому времени еще не утихли. В то время как гражданские учреждения проводили свои разрозненные топографические съемки внутри и вокруг экономически важных регионов, военные продолжали работу, в основном на приграничных территориях, и все также отказывались делиться своей информацией и картографическими материалами. Многие государственные чиновники, уставшие от путаницы с текущими — и, возможно, даже будущими — соображениями секретности, просто отказывались предоставлять кому бы то ни было любые крупномасштабные карты⁷. Неоднократные правительственные попытки координировать гражданскую и военную топографическую съемку и картографию, чтобы исключить параллелизм и дробление, окончились неудачей (см.: Красовский, 1927 и Отчет... 1925, с. 3–4, 149–152).

При малейших подозрениях военные продолжали вмешиваться в гражданское картографирование, даже несмотря на то, что перед публикацией все карты проходили обязательную проверку специалистами-цензорами. В качестве примера можно привести протест РККА против публикации «Атласа Ленинградской области и Карельской АССР» 1934 г. — амбициозного издания, которое должно было стать образцовым для советской экономической картографии. В данном случае военные опасались, что указание залежей полезных ископаемых и пищевых ресурсов, промышленных центров, количества и

⁷ РГАЭ. Ф. 6890 (Картографический фонд НКВД). Оп. 1. Д. 1. Л. 39 (резолуция от 1 апреля 1926 г.).

характера рабочей силы в разных местах и особенно динамики изменений этих показателей в течение последних пяти лет раскроет стратегически важную информацию (больше всего они, разумеется, были озабочены возможностью того, что с помощью этих карт можно будет узнать или хотя бы догадаться о крупном военном строительстве по всей границе Ленинградской области и о бурном росте трудовых лагерей в Карелии).

В начале 1930-х гг. было также принято несколько декретов, которые устанавливали централизованный и более жесткий контроль над составлением и использованием карт. Кульминацией этого стала передача контроля над всей картографической деятельностью в НКВД. Органы безопасности усилили предпечатную цензуру — теперь редакторов карт можно было подвергнуть *уголовной* ответственности в случае отхода от стандартов или ошибок, определяемых как «политические», — а также установили жесткие ограничения на распространение карт: секретность была распространена на все картографические материалы, вплоть до общих административных карт. Гражданские госслужащие могли получить доступ к крупномасштабным топографическим картам только под очень строгим контролем. Даже после того, как карты выходили из ведения органов госбезопасности, все ограничения сохранялись. В послевоенный период все общедоступные карты, какого бы масштаба они ни были, основывались на карте масштабом 1 : 2 500 000, и, как следствие, даже самые крупномасштабные из них показывали лишь самые общие детали (см.: Postnikov, 2002, с. 29).

Выводы

В ранний советский период споры о секретности карт отражали разнородный состав нового государства, трудную интеграцию в его государственные структуры старых управленцев и технических специалистов, как военных, так и гражданских, с их устойчивыми бюрократическими интересами и предрассудками, пытающихся ужиться рядом с новыми революционными деятелями, среди которых также не было единодушного мнения по поводу того, как должно быть устроено новое революционное государство (ведь, в конце концов, в классическом марксизме революция была предвестником скорого конца государства). Как мы могли убедиться, различные интересы — и старые, и новые — формировали союзы по расчету и выгоде.

С одной стороны оказались царские военные картографы, руководство наркоматов и революционные органы безопасности, которые настаивали на своем *видении* закрытого и подчиняющегося требованиям секретности государства, из чего следовала необходимость защищать знания о пространстве и обществе от простого населения, отчасти для того, чтобы они не попали в руки внутренних или внешних врагов (которые, разумеется, существовали), но также в связи с тем, что *их* концепция государственной власти исключала возможность широкого участия в нем масс.

С другой стороны, были «буржуазные» гражданские картографы, получившие образование до революции, а также советские управленцы, хозяйственники и политики, придерживавшиеся взгляда, который мы с изрядной долей осторожности можем назвать «освободительной» концепцией революции, подразумевавшей, что земля *на самом деле* принадлежит народу, у которого, как следствие, есть законное право на *полный* доступ к информации о своем социальном и пространственном окружении, и что благодаря этому простые граждане смогут быстрее научиться управлять своей жизнью и изменять ее в гармонии с природой и другими людьми.

Эти споры о составлении карт и доступе к ним, как следствие, касались нечто большего, чем просто производство и контроль над географическими знаниями. Я полагаю, что эти споры касались самой судьбы революции, а если же выйти за рамки советского опыта, то можно сказать, что они касались формы и целей современного государства, взаимоотношений между правительством, технологическим знанием и окружающей средой, социальной идентичности и роли граждан и, в конечном итоге, сущности и будущего демократии.

Литература

Аузан А.И. О ВГУ. М., 1920. 4 с.

Барон Н. Пространства Утопии: геодезия, картография и визуальная культура в СССР в 1918–1953 гг. // География искусства. 2009. № 5. С. 7–38.

Комедчиков Н. Н. Ликвидация Высшего геодезического управления в 1922 г. // Геодезия и картография. 2002. № 3. С. 5–8.

Красовский Ф. Геодезическое и топографическое дело в СССР. М., 1927. 19 с. (Репринт из «Геодезиста», № 11. 1927. С. 14–33.)

Отчет о деятельности и работах ВГУ за 1924 г. Т. 1. Отд. 1. М., 1925. 152 с.

Baron N. Conflict and Complicity: The Expansion of the Karelian Gulag, 1923–1933 // Cahiers du Monde russe. 2001. Vol. 42. № 2–4. P. 615–648.

Baron N. La Révolution et ses limites. Conscience de la frontière soviétique et dynamique du développement régional, 1918–1928 // eds. S. Coeuré, S. Dullin. Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe, de la révolution d'Octobre au mur de Berlin. Paris: La Découverte, 2007a. P. 87–104.

Baron N. Nature, Nationalism and Revolutionary Regionalism: Constructing Soviet Karelia, 1920–1923 // Journal of Historical Geography. 2007b. Vol. 33. № 3. P. 565–595.

Postnikov A.V. Maps for Ordinary Consumers versus Maps for the Military: Double Standards of Map Accuracy in Soviet Cartography, 1917–1991 // Cartography and Geographic Information Systems. 2002. P. 243–260.

“Out of Harm’s Way ...”: Censorship and Control of Topographical Knowledge in Soviet Russia (1918–1925)

NICK BARON

University of Nottingham, UK; Nick.baron@nottingham.ac.uk

This article considers debates and conflicts over map secrecy in the early years of the Soviet Union. It argues that tensions among the numerous political, military and civilian bureaucratic agencies which had with an interest in the collation and use of topographical knowledge reflected different ideas about Soviet post-revolutionary development and competing visions of the role of the state and the prerogatives of society within the new socialist system.

Keywords: Topography, Cartography, Maps, Territory, Scientific Knowledge, Borders, Censorship.